

A STUDY IN SCARLET*

Будни, воскресные дни, праздники — всё катится своим чередом. Светлая полоса неба в мелких белых пёрышках вместе с синей лентой моря напирают на неустроенный человеческий дом. Жёлтый с длинными серыми тенями край береговой линии держит за нас ответ перед высоким голосом Неба. Там, где море сливается с горизонтом, — еле заметные глазу кубики белых и чёрных кораблей. Они стоят в фарватере, и задача моряков — как подобает встретить восход солнца.

Найдётся ли у вас время для классики... А если об этом просит родная дочь? И не для того, чтобы загрузить родительский мозг, а посидеть рядом, быть сопричастным к её чтению.

За большим окном вырастают воздушные замки, и день спешит к апогею. Гигантские пушистые блоки медленно надвигаются друг на друга. Нам не слышен их небесный стон, но красота и плавность движения видна воочию. В комнате забылись предметы, тикают часы, шестят страницы. Два голоса звучат, сменяя друг друга как часовые. Через открытое окно врываются звуки «болгарки», весёлый перестук молотков со стройки, а вдали, за всем этим беспокойным пространством, белый-белый пароход...

«Белый пароход» Чингиза Айтматова я читал так давно, что и забыл о мальчике, у которого, как пишет автор: «...были две сказки. Одна своя, о которой никто не знал.

Другая та, которую рассказывал дед. Потом не осталось ни одной».

Впервые за много лет мы читали вместе, вслух. Мы были рядом, читали попеременно, и каждый представлял свои картины. Я заметил, что мои дети любят тех писателей, которые строят свои произведения на действии, а не загружают читателя «громоздкими описаниями природы». Но я перестал спорить с ними на эту тему, а упрямо подсовываю им классику. Там есть всё: действие, описание, идея и замечательный литературный язык. Когда-нибудь они вспомнят мои слова...

А пока Рогатая мать-олениха охраняет покой Исык-Куля и мы читаем, как мальчик бежит на Караульную гору:

«Мальчик направил бинокль к самому дальнему видимому месту и затаил дыхание. Вот он! И всё забылось сразу; там, впереди, на синей-синей кромке Исык-Куля, появился белый пароход. Выплыл. Вот он! С трубами в ряд, длинный, мощный, красивый. Он плыл, как по струне, ровно и прямо. Мальчик поспешил протер стекла подолом рубашки, еще раз поправил окуляры. Очертания парохода стали еще четче. Теперь можно было заметить, как покачивается он на волнах, как за кормой остается светлый вспененный след. Не открываясь, мальчик с восхищением смотрел на белый пароход. Была бы на то его воля, он уприсил бы белый пароход подплыть поближе, чтобы можно было видеть людей,

которые на нем плыли. Но пароход не знал об этом. Он медленно и величественно шел своей дорогой, неведомо откуда и неведомо куда.

Было долго видно, как плывет пароход, и мальчик долго думал о том, как он превратится в рыбу и поплывет по реке к нему, к белому пароходу...

Когда он впервые увидел однажды с Караульной горы белый пароход на синем Исык-Куле, сердце его так загудело от красоты такой, что он сразу же решил, что его отец — исык-кульский матрос — плавает именно на этом белом пароход. И мальчик поверил в это, потому что ему этого очень хотелось.

Он не помнил ни отца, ни матери. Он ни разу не видел их. Никто из них ни разу не навещал его. Но мальчик знал: отец его был матросом на Исык-Куле, а мать, после того как они разошлись с отцом, оставила сына у деда, а сама уехала в город. Как уехала, так и синула. Уехала в далекий город за горами, за озером и еще за горами.

Повесть была опубликована в 1970 году в журнале «Новый мир» и по прошествии лет остаётся в списке «100 книг для школьников».

Как хорошо, что додумался сесть рядом с дочерью и перечитать «Белый пароход», и теперь могу рекомендовать её в список 100 книг для взрослых.

Высокий и прекрасный мир Исык-Куля — место, которое рождает сказочные мечты мальчугана. Но красочный мир не может восполнить одиночества маленького человека. Там, где должна жить материнская любовь, встанут камни «танк», «седло», «волк», несчастный старый дед Момун. Описание природы, человеческих характеров, противопоставление большого и маленького, далёкого, но неожиданно ставшего близким

И он свою семью, нас, четверых своих детей, я старший, а младший был еще на руках, посадил на Казанском вокзале в поезд, попрощался с нами и отправил, отправил прямо вот туда, в глубинку, в свое селение, к своим родным.

Есть такая станция Маймак, не доезжая до Джамбула, теперь это город Тарас. Вот на станции Маймак мы выгрузились, и нас родственники увезли в свой аул. Шекер, он исчез, этот Шекер.

Вот туда, к своим родственникам, к сестре, братьям и так далее. И после того, как он нас успел отправить, его, как всех, схватили, арестовали, посадили и привезли прямо в тогдашний Фрунзе. Расправа была в Фрунзе...

ДУМАЮ, нынешние дети про взрослую жизнь понимают многое и не так впечатлительны, как это было с нами. Смотрю на диван, дочь читает без остановки, как маленькая говорящая машинка. На её письменном столе творческий беспорядок. Глянец обложки «Этюда в багровых тонах» Конана Дойля бросает зайчики на потолок. Книга оставлена корешком вверх совсем недавно и лежит сверху общих тетрадей, заколок и ручек. Это детективная повесть, выпущенная в свет издательством Ward and Lock в